

Человеческое ЛИЦО ЭКОНОМИКИ

Пракаш Лунгани представляет Джорджа Акерлофа

В 1984 ГОДУ лауреат Нобелевской премии по экономике Джордж Стиглер предсказал, что экономика со временем станет «королевой общественных наук». Он назвал экономику «имперской наукой», которая расчищает путь сквозь академические дебри для других общественных дисциплин. Он приветствовал работу «экономистов-миссионеров, ... которым нередко приходилось преодолевать сопротивление настороженно и враждебно настроенного коренного населения».

Однако по дороге на коронацию случилось нечто парадоксальное. За четверть века, прошедшие с выхода в свет статьи Стиглера, выяснилось, что экономика может учиться у других

дисциплин не меньше, чем учить их. Сегодня в области поведенческих финансов используются идеи из психологии и социологии, чтобы понять работу финансовых рынков. После корпоративных скандалов и порожденных жадностью финансовых кризисов раздаются призывы дополнить экономику этическими принципами. А за последнее десятилетие Нобелевская премия по экономике была присуждена психологу Дэниелу Канеману (см. *Ф&Р* за сентябрь 2009 года) и политологу Элинор Остром.

Эти события могли бы обескуражить Джорджа Стиглера, но не его тезку, Джорджа Акерлофа, лауреата Нобелевской

премии по экономике 2001 года. По его словам, он уже давно «мечтает» о том, чтобы макроэкономика опиралась на «весь спектр человеческих эмоций и действий: справедливость, уверенность, жадность, самосознание, промедление». (Промедление? Мы вернемся этой теме... позже.)

«Это несправедливо!»

Акерлоф говорит, что тема безработицы занимала его больше всего протяжении всей его 40-летней карьеры «Я всегда считал, что безработица — это ужасно. И этим я руководствовался почти во всех своих работах. Безработный теряет не только доход, но и ощущение, что он выполняет свой человеческий долг».

Почему возникает безработица? В совместной работе с известным экономистом Джанет Йеллен (которая также является его женой) Акерлоф доказывает, что ключевую роль в этом играет понятие справедливости. Акерлоф и Йеллен используют социологию, чтобы полнее описать процесс обмена на рынках, в том числе на рынке труда. В экономической теории цена, по которой происходит обмен, определяется спросом и предложением. Если на фермерском рынке

Сочетание смелых вопросов и красивых ответов позволяет Джорджу столь успешно подвергать сомнению господствующие представления.

в конкретный день окажется больше продавцов фруктов, чем покупателей, цена, по которой продаются фрукты, снизится. В случае непредвиденного сильного снегопада хозяйственные магазины, согласно экономической теории, поднимут цену на лопаты, что оправданно ввиду их внезапной нехватки.

Но «человек не всегда так рассуждает», — говорит Акерлоф. Обследования показали, что люди считают несправедливым, когда магазины повышают цены во время снегопада. И на фермерском рынке цены не всегда снижаются, когда предложение превышает спрос. По словам Акерлофа, люди, которые делают покупки на фермерских рынках, нередко действуют исходя из своих убеждений. Некоторые покупатели могут купить немного больше, чем собирались, если видят, что у продавцов, которых они стараются поддерживать, дела идут не слишком хорошо. А некоторые продавцы, возможно, слишком исполнены «гордости за качество [своей продукции]», чтобы снижать цены, и могут выжидать, пока не получат цену, которую считают «справедливой».

Применительно к рынку труда соображения справедливости играют еще более важную роль. Цена, по которой предоставляется рабочая сила (ставка заработной платы), зависит не только от спроса и предложения рабочей силы. Работодатель должен учитывать последствия низкой заработной платы для морального духа и эффективности работника. Работодателю не имеет смысла снижать заработную плату работника, если в результате тот затаит обиду и, образно выражаясь, «плюнет в суп». Поэтому работодатели предлагают оплату труда выше уровня равновесия спроса и предложения. Акерлоф и Йеллен назвали это «эффективной заработной платой», чтобы показать, что повышение заработной платы стимулирует работников выполнять свои обязанности результативнее и эффективнее.

Общее следствие таких достойных действий работодателей сводится к тому, что в экономике всегда сохраняется некоторая доля безработных, поскольку заработная плата устанавливается

выше уровня, позволяющего трудоустроить каждого, кто ищет работу. «Таким образом, рынок рабочих мест напоминает игру в “музыкальные стулья”, когда на танцплощадке больше людей, чем стульев. Когда музыка останавливается, некоторым не удастся найти свободный стул», — пишет Акерлоф (Akerlof and Shiller, 2009).

Природный оптимизм

Акерлоф говорит, что попытки понять истоки безработицы — «почему предложение на рынке труда не всегда равно спросу», — также помогли ему более непредвзято подойти к вопросу о том, как действительно работают «люди, организации, рынки и капитализм». Это творческое мышление нашло свое отражение в вышедшей в 2009 году книге Акерлофа *Animal Spirits* (см. *Ф&Р* за декабрь 2008 года), написанной совместно с экономистом Йельского университета Робертом Шиллером, которая была выдвинута Financial Times/Goldman Sachs на премию «Бизнес-книга года». Шиллер рассказал *Ф&Р*, что в процессе написания книги мнения двух авторов, которые и прежде были близки, настолько еще более слились в единое целое, что «я уже не могу с уверенностью сказать, какую часть кто написал». По его словам, эта книга отражает «наше мнение, что общественные науки должны быть более объединены».

Акерлоф и Шиллер показывают, что силы, обычно не рассматриваемые в стандартной макроэкономике, такие как справедливость, жадность и доверие, принципиально важны, чтобы понять не только почему существует безработица, но и почему экономика переживает спады и почему рынки активов настолько нестабильны. Они в особенности стремятся возродить то значение, которое великий британский экономист Джон Мейнард Кейнс придавал роли уверенности в экономических колебаниях, особенно в своем утверждении относительно того, что инвестиции в бизнес существенно зависят от состояния уверенности или «природного оптимизма». «Состояние уверенности, — писал Кейнс, — является вопросом, которому практичные люди всегда уделяют пристальное внимание. Но этот вопрос тщательно не анализировался экономистами».

Инвестиционные решения предпринимателей и решения домашних хозяйств о том, сколько потреблять сегодня и сколько сберегать на будущее, обусловлены неопределенными и нестабильными ожиданиями относительно будущего. Кейнс утверждал, что «это чувство неопределенности то нарастает, то убывает: в какие-то моменты люди испытывают большую уверенность, чем в другие времена. Когда уровень уверенности высок, экономика процветает, когда он низок, ей нездоровится». При этом непомерно высокая уверенность может стимулировать чрезмерные и безрассудные инвестиции, например, на рынках жилья. Как следствие, крушение оптимистичных ожиданий может привести к краху экономики. А в случае спада в экономике утрата уверенности может вызвать чрезмерную реакцию в другом направлении, с исчезновением источников кредита и сокращением потребительских расходов.

В качестве примера значимости уверенности Акерлоф приводит экономический спад 1991 года в США. Он вспоминает сессию на совещании Американской экономической ассоциации в 1992 году, где ведущие экономисты перебирали обычный перечень объяснений спада. Ни одно из них не подходило. Лучшее объяснение предложил Оливье Бланшар, в то время работавший в Массачусетском технологическом институте, а в настоящее время главный экономист МВФ, который сказал, что вторжение Саддама Хусейна в Кувейт подорвало потребительскую уверенность в США и, следовательно, расходы на потребление. «Объяснение, которое дал Оливье, было простым, но верным, — отметил Акерлоф. — По крайней мере, я не знаю объяснения, которое лучше отвечало бы основным фактам».

Счастливым дом

Поскольку частный сектор экономики подвержен перепадам настроений, роль государства состоит в стабилизации экономики с помощью своих действий. Государство, отмечают Акерлоф и Шиллер, должно выступать в роли ответственного родителя по отношению к экономике, не слишком авторитарного и не слишком либерального. Капиталистическое общество может быть чрезвычайно творческим, и правительственная политика не должна быть настолько строгой, чтобы препятствовать этому творчеству. Но бесконтрольный капитализм также подвержен эксцессам, и государство призвано служить уравнивающей силой против излишеств в экономической деятельности.

Поэтому когда частный сектор экономики находится на подъеме, государство должно остерегаться эйфории и делать сбережения на случай вероятного краха. А когда уверенность частного сектора низка, государство должно осуществлять государственные инвестиции. Действительно, широко известно утверждение Кейнса о том, что когда частный сектор

Тема безработицы занимала его больше всего.

в упадке, государственному сектору имеет смысл даже просто копать канавы и затем засыпать их. Акерлоф говорит, что «в этом нет необходимости. Есть много более стоящих задач, которые может решать правительство для создания мультипликатора уверенности», чтобы вернуть экономику в нужное русло.

Правительство также играет определенную роль в предупреждении коррупции и хищнической деятельности. В известной статье, написанной в 1993 году, Акерлоф и его соавтор, видный экономист Пол Ромер, не стали прибегать к эвфемизмам и просто назвали это «разграблением». Статья была написана в период после волны финансовых кризисов, во время которых частные инвесторы переложили на государство ответственность за погашение обширных долгов. Акерлоф говорит, что, «конечно, мы были очень мотивированы опытом кризиса ссудо-сберегательных учреждений» в США в начале 1990-х годов.

Акерлоф и Ромер писали, что «фиаско» ссудо-сберегательных учреждений произошло потому, что органы регулирования скрывали истинные масштабы проблемы, конгресс оказывал давление на регуляторов, чтобы те давали поблажки избранным группам и крупным донорам, и лоббистам удавалось воспрепятствовать принятию корректирующих мер, пока проблема не становилась настолько значительной, что ее бремя неизбежно затрагивало широкую общественность. Они пришли к выводу, что «теперь мы знаем, что это неприемлемо. Если мы извлечем уроки из опыта, можно избежать повторения истории».

К сожалению, последующие события после написания работы Акерлофа и Ромера выглядят, как заметил Дэвид Леонхардт в газете *New York Times*, как печальный эпилог к статье «Разграбление». В начале 2000-х годов скандалы потрясли такие корпорации, как Enron. И в настоящее время широко признается, что недостаточное регулирование кредитования непервоклассных заемщиков и прямое мошенничество стали толчком к мировому финансовому кризису и Великой рецессии 2007–2009 годов. Ромер теперь вспоминает, что когда они только закончили работу над своей статьей в 1993 году, Акерлоф сказал ему, что следующим кандидатом для разграбления будет небольшой и малоизвестный рынок, называемый рынком «кредитных производных инструментов».

На просьбу обобщить свои взгляды на государственную политику за последние тридцать лет Акерлоф отвечает с характерной

недосказанностью: «Я бы сказал, что деятельность правительств по созданию счастливого дома идет с переменным успехом».

Университеты «лиги плюща»

В Нобелевской лекции 2001 года Акерлоф описал свои детские и юношеские годы как в основном счастливые, но подверженные превратностям карьеры его отца. Акерлоф вспоминает, что думал: «если мой отец потеряет работу и моя семья перестанет тратить деньги, то отец другой семьи тоже останется без работы, и так далее. Экономика войдет в штопор». Беспокойством по поводу перспектив работы его отца можно объяснить, писал он в своей лекции, почему «я в некотором смысле начал работать над теорией безработицы уже в 12 лет. Пятьдесят лет спустя я все еще размышляю о той же теме».

Для получения базового высшего образования Акерлоф поступил в Йельский университет — у него «не было выбора», говорит он, потому что его отец был там доцентом, и его брат тоже учился в Йеле. Помимо изучения курсов по экономике и математике он работал в редакции *Yale Daily News*. Он говорит, что эта работа «занимала главное место в его жизни». Он стремился к тому, чтобы *News* была не столько официальным органом, сколько газетой, освещающей студенческие проблемы и вопросы, представляющие общечеловеческий интерес: «я хотел, чтобы она была менее напыщенной и более серьезной». Однако, несмотря на его энтузиазм и упорный труд, он не был избран в редакцию *News* на предпоследнем курсе.

В своей Нобелевской лекции он сказал, что ему отказали, возможно, потому, что «я вольно обращаюсь с фактами». Но Акерлоф сказал *Ф&Р*, что это «высказывание [в его лекции], возможно, дает неверное представление обо мне». По его словам, он осторожен с «существенными фактами» и в своих исследованиях всегда стремится объяснить факты: «Почему существует безработица? Почему люди говорят, что им трудно продать свой дом? Почему некоторые люди живут в бедности? Почему люди медлят? Почему люди иногда плохо себя ведут? Почему целые страны поступают плохо?»

После Йельского университета Акерлоф направился на дипломную работу в Массачусетский технологический институт, который имел звездный состав профессоров, таких как Роберт Солоу (см. *Ф&Р* за март 2011 года), и одаренных студентов, в числе которых был Джозеф Стиглиц (см. *Ф&Р* за декабрь 2009 года), который позже разделил с Акерлофом Нобелевскую премию. Профессор Принстонского университета Авинаш Диксит (см. *Ф&Р* за декабрь 2010 года), который также учился в МИТ одновременно с Акерлофом, говорит, что «[Джордж] задавал вопросы, которые не поднимал никто другой. И только вы успевали подумать, что только полный глупец может задать такой вопрос, как он давал красивый ответ, который менял вашу точку зрения ... именно сочетание смелых вопросов и красивых ответов позволяет Джорджу столь успешно подвергать сомнению господствующие представления».

Путь в Беркли

С 1966 года большую часть своей карьеры Акерлоф работает профессором в Университете Калифорнии, Беркли. Как и в случае Йельского университета, здесь есть привязка к семье: его прадед окончил Беркли в 1873 году. Когда он получил Нобелевскую премию в 2001 году, Акерлоф передал денежную премию Беркли: «Я сделал это, потому что считал, что они оказали мне хорошую поддержку, и я хотел выразить им свою благодарность». Кристина Ромер, также профессор в Беркли, говорит, что «Джордж — добрый, щедрый и полный энергии человек, который увлечен экономикой. Он вносит неизмеримый вклад в работу нашей кафедры просто благодаря тому, что он такой, какой есть». Она добавляет, что отзывы о нем как о преподавателе просто потрясающие. Шиллер говорит, что Акерлоф ведет себя как «ответственный отец» с аспирантами,

которых он курирует: «Он советует им показать себя с приятной стороны, когда они выходят на рынок труда. Он говорит им: люди, которые проводят с вами собеседование, принимают вас на работу как коллегу и хотят убедиться, что вы приятный человек».

Будучи в душе ученым и преподавателем, Акерлоф в то же время поддерживает тесные связи с миром политики. В 1970-е годы он по году работал в Совете экономических консультантов (СЭК) и Совете Федеральной резервной системы. Барри Чизвик, специалист по экономике труда, в настоящее время заведующий кафедрой в Университете Джорджа Вашингтона, работал в СЭК в тот же период. В своей Нобелевской лекции Акерлоф отмечает, что именно у Чизвика он учился эмпирической экономике. Чизвик говорит Ф&Р, что «со стороны Джорджа было очень любезно так отзываться о нем», но «это была улица с двусторонним движением, и все мы в СЭК обогатили свои знания благодаря набору уникальных навыков Джорджа». Он вспоминает, что Акерлофа очень занимала проблема подростковой безработицы, которая была столь же актуальной в 1970-е годы, как и сегодня. «Джордж был обеспокоен тем, что если молодые люди упустят свой шанс и не смогут устроиться на хорошую первую работу, это будет рассматриваться как негативный сигнал, который может повлиять на всю их жизнь», — говорит Чизвик.

Помимо этих периодов работы в правительственных учреждениях США, Акерлоф поддерживает долгосрочные связи с Институтом Брукинга. С сентября 2010 года он работает старшим приглашенным научным сотрудником в Исследовательском департаменте МВФ. Бланшар говорит, что «присутствие Джорджа в наших рядах было бы благом в любое время. Но оно особенно отрадно в тот момент, когда МВФ нуждается в творческом мышлении на многих фронтах, от преодоления кризиса безработицы до разработки системы финансового регулирования».

«Лимоны»

Хотя более всего Акерлофа занимала тема безработицы, Нобелевскую премию ему принесла статья 1970 года, показывающая, как может нарушиться работа рынков при наличии асимметричной (или неравной) информации. И в самом деле, если в игре в словесные ассоциации с ученым экономистом сказать: «Акерлоф», то скорее всего, последует ответ «лимоны». Это объясняется тем, что Акерлоф использовал пример рынка подержанных автомобилей, где продавцы лучше других знают, предлагают ли они добротную машину или неисправную (так называемый «лимон»). Для покупателей наиболее вероятное предположение заключается в том, что качество автомобиля среднее, поэтому они готовы заплатить за него только цену автомобиля среднего качества. Однако это означает, что владельцы хороших автомобилей не будут выставлять свои машины на рынок подержанных автомобилей. А это, в свою очередь, ухудшает среднее качество автомобилей на рынке, и результате покупатели снижают свои ожидания относительно качества. Теперь даже владельцы умеренно хороших автомобилей не могут продать свои машины, и рынок движется к краху. Акерлоф говорит, что эта проблема сродни той, с которой сталкивались торговцы лошадьми на протяжении веков: «Если он почему-то хочет продать эту лошадь, то стоит ли ее покупать?» Но проблемы «асимметричной» информации присутствуют на большинстве рынков, особенно на финансовых рынках. «Этот [недавний финансовый] кризис дал яркие тому примеры, — говорит Акерлоф. Простые люди думали, что покупали дома, а не сложные производные инструменты, которые, как они потом поняли, они в итоге и приобрели».

Акерлоф говорит, что он выбрал пример подержанных автомобилей, чтобы сделать свою работу «более удобоваримой» для читателей США. Но его интерес к этой теме зародился, когда во время своего пребывания в Индии в 1967–1968 годах он заметил, с какими трудностями сталкивались люди

при получении кредита. Он оставил этот пример в своей работе наряду с разделами о том, как «принцип лимонов» может также объяснить, почему престарелым трудно получить страховку и почему представителям меньшинств трудно устроиться на работу. Для рынка академических публикаций того времени все это оказалось слишком диковинным. Статья получила отказ в трех ведущих научных журналах, прежде чем была, наконец, опубликована в *Quarterly Journal of Economics*.

Сегодня вопросы, которые Акерлоф поднял в работе о «лимонах», стали одним из основных продуктов академической диеты. И сам Акерлоф продолжает расширять границы в изучении таких вопросов. Последней его работой в этом направлении была *Identity Economics* («Экономика идентичности»), написанная в соавторстве с Рэйчел Крэнтон из Мэрилендского университета. Сын Акерлофа, Робби, продолжает эту традицию. Выпускник Йельского университета (где одним из его профессоров был Шиллер) и Гарварда, он изучает следующие вопросы: почему коррупция и терпимость к ней варьируются в зависимости от корпораций; что менеджеры могут сделать для повышения легитимности своего управления (одним из вариантов оказывается выплата эффективной заработной платы); чем объясняется оппозиционная культура, когда меньшинство пренебрежительно относится к большинству, которое также отвечает пренебрежением; и что вызывает затяжную вражду между двумя сторонами.

И наконец!

Наконец, настало время рассказать историю о промедлении. В 1991 году Акерлоф написал эссе «Промедление и послушание», в котором утверждал, что изучение этой привычки может объяснить такие явления, как злоупотребление алкоголем и наркотическая зависимость и недостаточные сбережения. В этом эссе Акерлоф рассказал о том, как он более восьми месяцев откладывал отправку ящика с одеждой из Индии в США. Ящик принадлежал Джозефу Стиглицу, который он оставил при посещении Индии. «Каждое утро, ... просыпаясь, я принимал решение о том, что на следующий день отправлю этот ящик Стиглицу», — пишет Акерлоф в эссе. Размышляя над этой историей, Акерлоф сказал Ф&Р, что «в действительно значимых вопросах» он не склонен к промедлению. «На самом деле Джо не был нужен этот ящик. Если бы я думал, что он ему нужен, он бы его получил». ■

Пракаш Лунгани является советником в Исследовательском департаменте МВФ.

Литература:

- Akerlof, George A., 1970, "The Market for 'Lemons': Quality Uncertainty and the Market Mechanism," *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 84, No. 2, pp. 488–500.
- , 1991, "Procrastination and Obedience," *American Economic Review*, Vol. 81, No. 2, pp. 1–19.
- , and Rachel E. Kranton, 2010, *Identity Economics: How Our Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press).
- Akerlof, George A., and Paul M. Romer, 1993, "Looting: The Economic Underworld of Bankruptcy for Profit," *Brookings Papers on Economic Activity*, Vol. 24, No. 2, pp. 1–73.
- Akerlof, George A., and Robert J. Shiller, 2009, *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press).
- Akerlof, George A., and Janet Yellen, 1988, "Fairness and Unemployment," *American Economic Review*, Vol. 78, No. 2, pp. 44–49.
- Leonhardt, David, 2009, "The Looting of America's Coffers," *The New York Times*, March 10.